

Моторин Денис Иванович

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Motorin Denis Ivanovich

PhD in Psychology, Senior Research Associate,
Political Science Department,
St. Petersburg State University

Коваленко Владимир Дмитриевич

студент факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Kovalenko Vladimir Dmitrievich

Student, Political Science Department,
St. Petersburg State University

**СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ
БОРЬБЫ ЗАПРЕЩЕННЫХ В РОССИИ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
«АЛЬ-КАИДА» И ИГИЛ**

**SPECIFIC FEATURES OF
INFORMATION WARFARE OF
AL-QAEDA AND ISIL TERRORIST
ORGANIZATIONS OUTLAWED IN RUSSIA**

Аннотация:

В статье предпринимается попытка изучения методов информационной борьбы террористических организаций «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Рассматриваются структурно-функциональные особенности данных акторов. Делается предположение о том, что методы информационной борьбы дифференцированы относительно структуры террористических организаций. Выделяются основные акценты информационной борьбы «Исламского государства» и «Аль-Каиды», а также выносятся рекомендации по противодействию им.

Ключевые слова:

«Исламское государство», «Аль-Каида», халифат, информационная борьба, терроризм, ИГИЛ, Ближний Восток, противодействие.

Summary:

The article studies the methods of information warfare used by such terrorist organizations as al-Qaeda and the Islamic State of Iraq and the Levant. The structural and functional aspects of these actors are discussed. The authors believe that the methods of information warfare are differentiated according to the structure of terrorist organizations. The article considers the main focuses of the information warfare of the Islamic State and al-Qaeda, and suggestions on countering them.

Keywords:

Islamic State of Iraq and the Levant, Al-Qaeda, Caliphate, information warfare, terrorism, ISIS, middle East, counteraction.

Распространение религиозно-радикального терроризма в XXI в. ставит перед политической наукой ряд сложных вопросов. После 11 сентября 2001 г. долгое время главенствующей силой глобального джихада являлась организация «Аль-Каида». Однако в 2014 г. на политическом горизонте Ближнего Востока появилась такая новая сила, как «Исламское государство» (или ИГ, или «Исламское государство Ирака и Леванта», или ИГИЛ). Эта организация является уникальной в своем роде и разительно отличается от всех предыдущих джихадистских объединений на территории Ближнего Востока. Уникальными являются и методы информационной борьбы, которые использует «Исламское государство».

Отличительные особенности ведения информационной борьбы ИГИЛ

Датой создания ИГИЛ принято считать 2006 г. Тогда в единое формирование было объединено несколько террористических организаций. Так, в группировку вошли «Аль-Каида в Двуречье» как основа нового образования и ряд других джихадистских организаций. К новому формированию присоединились такие группировки, как «Побеждающая армия», «Армия асхабов» [1]. 5 июля 2014 г. в иракской мечети Аль-Нури в Мосуле во время проповеди глава данной группировки Аль-Багдади впервые нарек себя халифом, чем закрепил статус своей организации как единственного халифата и привлек внимание джихадистов всего мира. «Исламское государство» отличается от всех существовавших ранее организаций тем, что его сторонники смогли создать на определенной территории своеобразное централизованное теологически-тоталитарное квазигосударство. Постепенно в него была внедрена налоговая система, основанная на традициях ислама, то есть включающая в себя налоги в форме обязательных (закят) и добровольных (садака) пожертвований. Результативной представляется и форма организации армии ИГ, которая эффективно ведет боевые действия с несколькими противниками в регионе: Сирийской свободной армией, «Исламским фронтом», правительственной армией Сирийской Арабской Республики (САР), боевиками «Джабхат ан-Нусры» и иными многочисленными военизированными группировками. Значительную часть армии ИГ составляют иракские выходцы из Партии арабского социалистического возрождения (Баас), в том числе

из генералитета иракской армии, покинувшего управленческие структуры страны после вторжения американской армии в Ирак в 2003 г.

На данном этапе ИГ можно сравнить разве что с «Талибаном», распространенным на территории Афганистана и правившим там с 1996 по 2001 г. «Талибан» также стремился к созданию государства на основе ислама, однако был не столь мультиэтничным, как ИГ сейчас, и являлся в основном организацией пуштунов.

Информационная борьба ИГИЛ включает в себя следующие аспекты:

Во-первых, салафитская идеология «Исламского государства», в которой артикулируется образ халифата, существовавшего с VII по IX в., в период наиболее интенсивного распространения ислама. Халифат в сознании сторонников ИГИЛ оформляется не только объединением всех правоверных мусульман, но и воплощением божественного закона, то есть Шариата.

Американский ученый К. Банзел в своей работе *From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State* пишет: «“Исламское государство”, как и “Аль-Каида”, идентифицирует себя с движением в исламской политической мысли, известной как джихад-салафизм или джихадизм (для краткости)... Джихад-салафизм является идеальной отправной точкой идеологического движения в суннитском исламе. Он охватывает глобальную сеть ученых, веб-сайты, СМИ и бесчисленных сторонников в социальных сетях. Данное движение основывается на экстремистских прочтениях священных текстов ислама...» [2].

Схожей точки зрения придерживается и отечественный исследователь Е. Галкина, доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ. В своей статье «Чем соблазняет “Исламское государство”» она отмечает: «...доктрина ИГ включает, в частности, следующие концепты, корни которых можно найти в салафитской литературе, но не в столь жестком виде: неспособность управлять страной в соответствии с шариатом – куфр (неверие, самый страшный грех); сопротивление “Исламскому государству” – иртидад (вероотступничество, одно из проявлений куфра); ширк (идолопоклонство, язычество), который должен бескомпромиссно искореняться, где бы ни был встречен (в мире не должно остаться ни одного язычника)». Е. Галкина подчеркивает, что «Аль-Каида», в отличие от ИГ, в публичном пространстве позиционирует свою борьбу как «оборонительный джихад», направленный как против стран Запада, так и против местных правителей-вероотступников, например шиитских лидеров. ИГ же, используя схожую идеологию, направляет пропаганду в первую очередь против лидеров мусульманских стран, что, по мнению их руководителей, более актуально, чем война с Западом [3].

Несмотря на идеалистическую направленность, идея ИГ обладает консолидирующим потенциалом ввиду ее практической ориентированности на обнищавшие в результате войн слои населения Ирака и Сирии. Идеологи ИГИЛ дают крайне поверхностную трактовку ислама, которая сопряжена с доступностью, понятностью, антиамериканской и антизападной направленностью, что привлекает большое количество молодых людей.

Во-вторых, технологичность. Для коммуникации с населением, распространения идеологии вербовщики организации вопреки салафитским убеждениям прибегают к применению современных средств обработки и распространения информации, например использованию социальных сетей. Так, агенты ИГИЛ создали специальное приложение для смартфонов *The Dawn of Glad Tidings* («Заря радостных вестей»). Как только пользователи зарегистрировались в приложении, «Заря радостных вестей» начинала отправлять в социальную сеть «Твиттер» сообщения от их имени. «Во время штурма Мосула было опубликовано около 40 тыс. твиттов в поддержку ИГИЛ. Этого достаточно, чтобы выводить в топ нужные хештеги (например, #ISIS, #AllEyesOnISIS, #Iraqwar) и фотографии, манипулируя новостной повесткой. Устрашающие видеоролики, тысячи твиттов на тему “мы идем вас убивать”, рассказы об убитых иракских военных и мирных жителях, фотографии обезглавленных или распятых тел – виртуальная атака на город оказалась не менее устрашающей, чем реальная» [4].

Довольно широкое распространение среди сторонников ИГИЛ получили и другие технологические новшества. Террористы активно использовали программу Zello, которая позволяет обмениваться голосовыми сообщениями между несколькими сторонами и превращает телефон в рацию. Это давало возможность не только координировать действия войск, но и вести проповеди среди населения [5].

Однако самым массовым и технологичным способом информационной борьбы «Исламского государства» выступает публикация на видеохостинге YouTube роликов, содержащих кадры с мужчинами, детьми, женщинами, которых обезглавливают, сжигают заживо, подвешивают на крюки, расстреливают из гранатомета. Все видеоролики выполняются на несколько камер, с разных ракурсов, отличаются хорошим качеством съемки, высоким уровнем монтажа и цифровой обработки.

Цели подобных действий, по предположению авторов, заключаются в следующем:

1) демонстрация серьезности намерений и запугивание населения на контролируемых территориях;

2) психологическая атака противников, то есть неверных, не разделяющих убеждения сторонников террористической организации;

3) попытка вызвать восхищение и чувства симпатии в радикально-исламистской среде.

Каждое видео боевиков сопровождается обязательными проповедями и угрозами в адрес противников, звукорядами религиозных песнопений. Однако «помимо религиозных смыслов и коннотаций, многие пропагандистские материалы ИГ рассчитаны на неарабского реципиента и содержат послания, понятные и привлекательные за пределами исламского мира: на вербовочных видео ИГ предстает как братство “воинов истины” (джунуд аль-хакк), членом которого может стать каждый, причем внимание реципиента не акцентируется на исламской составляющей» [6].

Это положение подтверждается статистикой видеохостинга YouTube. Так, по запросу «ИГИЛ» на русскоязычном портале отображается 580 тыс. видеороликов, при этом 255 тыс. из них были размещены только в период с февраля 2015 г. по февраль 2016 г. В англоязычном же сегменте портала размещено 4 550 тыс. видеозаписей, из которых за аналогичный период было загружено около 4 500 тыс. Примечательно то, что по точно такому же запросу в арабоязычном разделе YouTube выдается 117 тыс. роликов, а за указанный период было размещено немногим менее 95 тыс. видеозаписей (рисунок 1) [7].

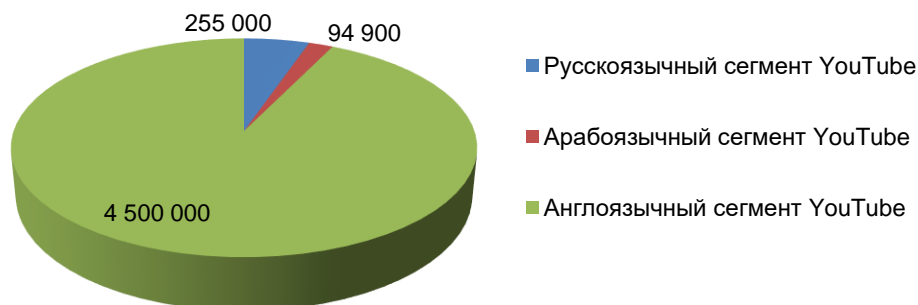


Рисунок 1 – Количество видеороликов, размещенных ИГИЛ на видеохостинге YouTube с февраля 2015 г. по февраль 2016 г.

Безусловно, не все ролики содержат кадры пыток, убийств или являются пропагандой. Видео-записи убийств администрация хостинга удаляет в оперативном режиме, однако другие ролики, соответствующие поисковому запросу, носят также характер информационных новостных сюжетов, аналитических программ, интервью, информационных сводок. Они косвенно или прямо (от упоминания до демонстрации кадров расправ) используют материалы боевиков, тем самым распространяя информацию в качестве посредника. «Основную информацию о террористических актах население получает через СМИ. В связи с этим исследователями замечается неадекватное отношение журналистов, в частности оппозиционных и зарубежных СМИ, к происходящим событиям» [8].

Внутри же территории, контролируемой сегодня ИГ, эта организация в течение 2014–2015 гг. применяла практически комплексный подход к пропаганде своих идей, используя все доступные ей современные средства массовой информации, включая местное телевидение, радиовещание, регулярные и единичные печатные издания, интернет-ресурсы.

Как показало исследование Ч. Уинтера, старшего исследователя фонда Quilliam, в 2015 г. всего за один месяц пропагандисты ИГ выпустили более тысячи различных образцов своей продукции – видеороликов, текстовых обзоров, журналов, радионовостей, аудиозаписей выступлений своих лидеров, подборок фотографий и других форм донесения радикальных идей [9].

В-третьих, образ самих террористов. В статье кандидата психологических наук К.В. Злоказова и А.Ю. Софроновой «Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации “Исламское государство”» дана четкая характеристика образам вербовщиков группировки: «При общении с молодежью коммуникаторы выстраивают собственный образ в качестве “старшего товарища”, “ровесника”, представляя себя как “мусульманина”, вместе с этим определяя представителей других религий как “неверных” и противопоставляя их “правоверным”. Стиль коммуникации – манипулятивный, реализуется путем захвата инициативы и доминирования в общении. Интенции коммуникатора, вне зависимости от роли, ориентированы на оказание воздействия на реципиента путем изменения мнения реципиента, побуждения его к действию» [10].

Но процесс формирования позитивного образа представителей ИГ происходит и со стороны представителей западного сообщества. В последнее время отмечаются попытки формирования эмоционально привлекательного образа членов ИГ путем смешивания его с позитивными образами героев массовой культуры. Ярким примером в этом отношении является проект нескольких пользователей одного из порталов ISIS-chan, изображающий представителей ИГ в образах героев японских мультфильмов – аниме, чрезвычайно популярных как в самой Японии, так и в ряде стран Западной Европы, а также в США. Подобные процессы приводят к тому, что у рядовых посетителей данного сайта складывается вполне позитивный и даже привлекательный образ представителя этой террористической группировки [11].

Информационная борьба ИГ оформляется как информационная борьба самостоятельного политического субъекта, обладающего территорией, системой налогов, армией, идеологией, управляющим аппаратом. Методы ведения информационной борьбы основаны на якобы религиозном непоколебимом авторитете самой организации, практической жестокости по отношению к врагам, разделении мира в рамках системы «свой – чужой». Четко оформляется и основная цель информационной борьбы. Тактика ИГИЛ приносит ей известность и поднимает авторитет группировки в радикальной исламской среде. Так, 13 марта 2015 г. нигерийская террористическая организация «Боко харам» принесла клятву верности «Исламскому государству» [12]. Также, по сообщениям СМИ, группировки сторонников ИГИЛ появились в Ливии [13] и Афганистане [14]. Эти страны находятся в состоянии кризиса и переживают последствия интервенции коалиций ряда развитых стран, что является «питательной средой» для развития сект и террористических группировок религиозного толка.

Отличительные особенности ведения информационной борьбы «Аль-Каиды»

В исследованиях транснационального терроризма, в дискурсе средств массовой информации общепринятой является точка зрения о регионализации глобального джихада по принципу «сверху вниз». Об этом и другом (альтернативном) подходе в своей статье «ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм» писала доктор политических наук, руководитель группы по исследованию проблем мира и конфликтов Института мировой экономики и международных отношений Е.А. Степанова [15].

Второй подход, которого придерживается Е.А. Степанова и авторы данной работы, акцентирует внимание на процессе сетевой фрагментации глобального джихада. В рамках данного подхода отрицается наличие единого управленческого ядра таких организаций. Авторы утверждают, что «большая часть террористической активности в мире приходится на вооруженных акторов, которые преследуют относительно ограниченные цели в локально-региональных контекстах» [16].

«Аль-Каида» и «Исламское государство» в идеологическом плане принадлежат к одному течению радикального ислама – салафизму. «Активность “Аль-Каиды” ориентирована на достижение глобальных целей, в идеале – на строительство исламского государства по принципу халифата или имамата» [17]. Однако, несмотря на схожие с ИГИЛ цели, «Аль-Каида» не является организацией, напоминающей в каком-либо роде государство. «Аль-Каиде» не присуща государственность; данное объединение выстроено по принципу сети, на основе параллельного функционирования ячеек, что позволяет вести результативную деятельность при уничтожении какой-либо составляющей.

Джейсон Берк в своей книге «“Аль-Каида”: Подлинная история радикального ислама» отмечает: «Первое упоминание о чем-то, называвшемся “Аль-Каида”, появилось в отчете ЦРУ, составленном в 1996 г., упоминавшем, что приблизительно в 1985 г. бен Ладен организовал Исламский фронт спасения, или “Аль-Каиду”, для поддержки моджахедов в Афганистане» [18].

Методы ведения информационной борьбы «Аль-Каиды» находятся в тесной связи с иными отличительными особенностями самой группировки. И если в начале XXI в. (после терактов 11 сентября) центральная часть этой организации представляла однородную эмульсию, то современная проблема изучения данной организации как сетевой структуры состоит в том, что практически невозможно определение того, какие группировки действительно связаны с «Аль-Каидой», а какие используют это название лишь для прикрытия. Разрабатывая данную проблематику, Р. Сеймур пишет: «Джихадисты, заявляющие сегодня о своей принадлежности к “Аль-Каиде”, принципиально различны по своему составу, локальным интересам и методам борьбы. Если опорой “Вооруженной исламской группы” служила алжирская городская беднота, то “Аль-Каида Ирака” представляла собой небольшой контингент международных боевиков-добровольцев, часть из которых происходили из сельской местности» [19]. Основная специфика «Аль-Каиды» состоит в том, что «не существует никакого контролирующего центра или зонтичной организации, которая координировала бы их деятельность... если у всех этих групп, заявляющих о своем членстве в “Аль-Каиде”, и есть что-то общее, то это разве что общность идеологическая» [20].

Современная тенденция развития «Аль-Каиды» состоит в ее постепенном угасании. Так, в 2010 г. центральная ячейка, то есть афгано-пакистанская группировка, не вошла в перечень двадцати наиболее опасных террористических объединений. В 2011 г. «Аль-Каида» была ответственна всего за одно похищение [21]. В период с 2012 по 2013 г. организация в принципе не совершила ни одного теракта. Однако в мире действует колоссальное число военизированных группировок, связанных с центральной «Аль-Каидой» и использующих данный «бренд» [22].

Например, «Аль-Каида Магриба» является новым названием организации «Салафитская группа проповеди и сражения» (араб. *لاتقتل او قوع دلال ذي فسل لادع امام جلا*), которая числилась частью местной радикальной исламской партии «Вооруженная исламская группа».

Ярким примером сетевой фрагментации «Аль-Каиды» выступает созданный еще в 1998 г. бен Ладеном «Международный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев» (МИФ), который ради достижения своих целей взаимодействует с группировками криминального толка [23].

Кроме того, пакистанская радикальная исламистская организация «Лашкаре-Тайба», оформившаяся как противовес советским войскам в Афганистане, является сегодня прямым проводником идей «Аль-Каиды» и ее сателлитом [24]. Самой массовой акцией «Лашкаре-Тайбы» стал теракт в Мумбае в 2008 г., в результате которого погибло 166 человек [25].

Несмотря на общность с центральной группировкой, вышеперечисленные организации не имеют единого координационного центра. Каждая организация вырабатывает уникальные тактики и стратегии, пользуясь в то же время идеологией афгано-пакистанской ячейки.

Информационная борьба центральной «Аль-Каиды» состоит в идеологическом постулировании глобального джихада посредством его трансформации в понятные широким слоям населения формы, распространения в государствах с преимущественно мусульманским населением, в государствах, подверженных военным, политическим и социальным кризисам. Подобная тактика обусловлена двумя факторами, которые выделил в своих работах старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН Д.А. Нечитайло:

1. «В условиях традиционного общества, с сильным влиянием местных обычаев, которому чужды идеалы “чистого ислама”, салафитам практически невозможно действовать, не заручившись поддержкой локальных исламистских организаций» [26].

2. «На руку исламистским радикалам и боевые столкновения между различными племенами, а также гражданские войны, в ходе которых формируются боеспособные вооруженные группировки» [27].

Кроме того, неотъемлемой чертой ведения информационной борьбы группировок, связанных с «Аль-Каидой», является проведение провокационных акций с целью получения обратного удара по гражданским объектам и, как следствие, разжигания протестных настроений среди населения по поводу действия правительственных войск или иностранных контингентов [28].

На идеологические «запросы» «Аль-Каиды» отзывается также безработная молодежь из неблагоприятных регионов Европы и США. Это вызвано пересечением целей террористической группировки с экстремистскими воззрениями данной группы населения [29].

Тема изучения «Аль-Каиды» весьма многогранна. Специфика научной проблематики изучения данной организации заключается также в том, что основная информация о ее деятельности и развитии находится у специальных государственных служб или других политических акторов, что, безусловно, ограничивает и искажает доступную исследователю базу.

Заключение

Несмотря на то что предмет исследования имеет много уровней, обладает многомерной структурой и сложен для изучения, на наш взгляд, в ходе данного исследования удалось охарактеризовать информационную борьбу ИГИЛ и «Аль-Каиды».

В интересах Российской Федерации для предотвращения распространения пропаганды, идеологии и методов вербовки вышеуказанных организаций целесообразным представляется противодействие информационной борьбе данных группировок. Однако специфика ИГИЛ и «Аль-Каиды» затрудняет процесс противоборства: сама природа современных террористических организаций является непреодолимым барьером в борьбе с ними для такого политического макросубъекта, как государство.

Самой важной частью работы стало установление взаимосвязи между структурой террористической группировки, декларируемыми целями, основной направленностью ее идеологической экспансии и формой ведения информационной борьбы (с присущими ей механизмами и методами).

На основе проведенного исследования предлагаем выстраивать стратегию подавления информационного влияния ИГИЛ с учетом следующих его признаков:

- сильная идеологическая, религиозная основа;
- большая подконтрольная территория;
- большой авторитет в «джихадистской среде», что подтверждает возникновение ячеек организации в Нигерии, Ливии, Афганистане.

Представляется, что подавление информационной борьбы ИГИЛ на данный момент возможно лишь двумя способами:

1) путем прямого наземного военного вмешательства на территорию, подконтрольную ИГИЛ, уничтожения руководства группировки и идеологических основ в лице радикальных поведенников;

2) посредством укрепления государственной структуры, сведения деструктивных элементов общества, в том числе и элементов, поддерживающих позицию государственного переворота в России, к возможному минимуму, культивации объединяющей национальной идеи, способной сплотить широкий круг общественных групп, противопоставить идее халифата нечто большее, чем культуру потребления.

До определенного момента существовал и третий вариант, который заключался в поддержке на территории Сирии единственной силы, способной противопоставить халифату прочную государственную структуру, мощную армию и идеологию. Речь идет о правительстве Башара Асада, которое на сегодняшний день пока не в состоянии стать консолидирующей силой в регионе ввиду своего значительного ослабления.

Специфика же «Аль-Каиды» затрудняет вынесение рекомендаций по противодействию ее деятельности. Множество связей, наличие большого количества «филиалов» делает из данной организации крайне опасного и, что самое главное, малоуязвимого противника. Физическое уничтожение всех террористов «Аль-Каиды» практически невозможно, поэтому наиболее адекватным путем противоборства является укрепление государства не только в сфере обороны и национальной безопасности, но и в сфере образования, идеологического воспитания и культурного просвещения граждан.

Ссылки и примечания:

1. Рязанов Д.С. «Исламское государство в Ираке»: идеологические основы и практические приоритеты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5. Ч. 3. С. 160–163.
2. From paper state to caliphate: The ideology of the Islamic State [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/03/ideology-of-islamic-state-bunzel/the-ideology-of-the-islamic-state.pdf> (дата обращения: 13.02.2016).
3. Цит. по: Несмиян А.Е. Россия и ряд: СССР, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия : доклад // Актуальная российская повестка : материалы науч. семинара – круглого стола «Россия и ряд: СССР, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия». Вып. 5. М., 2015. С. 6–37.
4. Васильченко В. Джихад в Twitter: Как террористы осваивают приемы социального маркетинга [Электронный ресурс]. URL: <http://apparat.cc/network/isis-social-war/> (дата обращения: 12.02.2016).
5. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство. Армия террора. М., 2016. С. 221.
6. Галкина Е.С. Постмодерное средневековье: идеология и пропаганда «Исламского государства» // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2015. С. 18–22.
7. Данные видеохостинга YouTube (<https://www.youtube.com>).
8. Юрьев А.И., Ханнанова Э.И. Роль СМИ в обеспечении политической стабильности в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 22–27.
9. Уинтер Ч. «Исламское государство»: как работает его пропаганда [Электронный ресурс] // BBC Russian. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151005_is_propaganda_war (дата обращения: 27.04.2016).
10. Злоказов К.В., Сафронова А.Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 247–253.
11. This Anime Girl Is The Cutest Way The Internet Is Fighting ISIS [Электронный ресурс] // BuzzFeed. URL: http://www.buzzfeed.com/ellievhall/isis-chan-says-knives-are-for-cutting-melons?utm_term=.hx5NrzjDE (дата обращения: 27.04.2016).
12. ISIS leader purportedly accepts Boko Haram's pledge of allegiance [Электронный ресурс] // CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2015/03/12/middleeast/isis-boko-haram/> (дата обращения: 26.02.2016).
13. Ливия становится новым оплотом ИГ [Электронный ресурс] // ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/military/20151220/234856570.html> (дата обращения: 26.02.2016).
14. В Афганистане произошло столкновение ИГИЛ и «Талибана» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/incidents/v_afganistane_proizoshlo_stolknovenie_igil_i_talibana (дата обращения: 26.02.2016).
15. Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2 (47). С. 13–27.
16. Там же.
17. Горбатова В.В. Информационно-пропагандистская политика радикальных исламских организаций : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. С. 227.
18. Сеймур Р. «Аль-Каида» как бренд // Отечественные записки. 2013. № 2.
19. Там же.
20. Там же.
21. Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney, N.Y., 2012. P. 6.
22. Горбатова В.В. Указ. соч.
23. Кузнецова С.И. «Аль-Каида» и ее перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : реферативный журнал. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2004. № 4. С. 27.
24. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» в Афганистане и Пакистане [Электронный ресурс] / Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/07-04-10.htm> (дата обращения: 17.02.2016).

25. Серия терактов в Мумбае в ноябре 2008 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: http://ria.ru/trend/terrorism_mumbai_27112008/ (дата обращения: 17.02.2016).
26. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» в Афганистане и Пакистане.
27. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» в Африке // Россия и мусульманский мир. 2008. № 3. С. 144–159.
28. Там же.
29. Кузнецова С.И. Указ. соч.

References and notes:

1. Ryazanov, DS 2014, "The Islamic State in Iraq": the ideological foundations and practical priorities', *Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, no. 5, part 3, p. 160-163.
2. *From paper state to caliphate: The ideology of the Islamic State* 2015, retrieved 13 February 2016, <<http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/03/ideology-of-islamic-state-bunzel/the-ideology-of-the-islamic-state.pdf>>.
3. Cit. by: Nesmiyan, AE 2015, 'Russia and a number: the USSR, Yugoslavia, Iraq, Libya, Syria: report', *Current Russian agenda: scientific materials of seminar – round table "Russia and a number: the USSR, Yugoslavia, Iraq, Libya, Syria"*, vol. 5, Moscow, p. 6-37.
4. Vasilchenko, V 2016, *Jihad in Twitter: How terrorists learn social marketing techniques*, retrieved 12 February 2016, <<http://apparat.cc/network/isis-social-war/>>.
5. Weiss, M & Hasan, H 2016, *Islamic state. Army terror*, Moscow, p. 221.
6. Galkina, ES 2015, 'Postmodern of Middle Ages: the ideology and propaganda of the "Islamic state"', *Man, the image of the word in the context of historical time and space: scientific-practical conf.*, Ryazan, p. 18-22.
7. *Data YouTube video sharing* 2016 <<https://www.youtube.com/>>.
8. Yurieva AI & Khannanova, EI 2016, 'Role of the media in ensuring political stability in modern Russia', *Society: politics, economics, law*, no. 2, p. 22-27.
9. Winter, Ch 2015, "Islamic State": propaganda', *BBC Russian*, retrieved 27 April 2016, <http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151005_is_propaganda_war>.
10. Zlokazov, KV & Safronova, AY 2015, 'Images of communicators and impact strategy with the promotion of the ideas of "Islamic State" terrorist organizations', *Political linguistics*, no. 2, p. 247-253.
11. 'This Anime Girl Is The Cutest Way The Internet Is Fighting ISIS' 2016, *BuzzFeed*, retrieved 27 April 2016, <http://www.buzzfeed.com/elliievhall/isis-chan-says-knives-are-for-cutting-melons?utm_term=.hx5NrjzDE>.
12. 'ISIS leader purportedly accepts Boko Haram's pledge of allegiance' 2015, *CNN*, retrieved 26 February 2016, <<http://edition.cnn.com/2015/03/12/middleeast/isis-boko-haram/>>.
13. 'Libya has become the new stronghold IG' 2015, *The New York Times*, retrieved 26 February 2016, <<http://inosmi.ru/military/20151220/234856570.html>>.
14. 'In Afghanistan, there was a collision LIH and "Taliban"' 2016, *Argumenty i Fakty*, retrieved 26 February 2016, <http://www.aif.ru/incidents/v_afganistane_proizoshlo_stolknovenie_igil_i_talibana>.
15. Stepanova, EA 2014, 'LIH and transnational Islamist terrorism', *Path to peace and security*, no. 2 (47), p. 13-27.
16. Stepanova, EA 2014, 'LIH and transnational Islamist terrorism', *Path to peace and security*, no. 2 (47), p. 13-27.
17. Gorbatoва, VV 2013, *Advocacy Policy radical Islamic organizations*, PhD thesis abstract, Moscow, p. 227.
18. Seymour, P 2013, "Al-Qaeda" as a brand', *Notes of the Fatherland*, no. 2.
19. Richard, S 2013, "Al-Qaeda" as a brand', *Notes of the Fatherland*, no. 2.
20. Richard, S 2013, "Al-Qaeda" as a brand', *Notes of the Fatherland*, no. 2.
21. *Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002-2011* 2012, Sydney, N.Y., p. 6.
22. Gorbatoва, VV 2013, *Advocacy Policy radical Islamic organizations*, PhD thesis abstract, Moscow, p. 227.
23. Kuznetsova, SI 2004, "Al-Qaeda" and its perspectives', *The social sciences and humanities. Domestic and foreign literature: refereed journal. Episode 9: Oriental and African Studies*, no. 4, p. 27.
24. Nechitailo, DA 2010, "Al-Qaeda" in Afghanistan and Pakistan', *Institute of the Middle East*, retrieved 17 February 2016, <<http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/07-04-10.htm>>.
25. 'A series of terrorist attacks in Mumbai in November 2008' 2008, *RIA Novosti*, retrieved 17 February 2016, <http://ria.ru/trend/terrorism_mumbai_27112008/>.
26. Nechitailo, DA 2010, "Al-Qaeda" in Afghanistan and Pakistan.
27. Nechitailo, DA 2008, "Al-Qaeda" in Africa', *Russia and the Muslim world*, no. 3, p. 144-159.
28. Nechitailo, DA 2008, "Al-Qaeda" in Africa', *Russia and the Muslim world*, no. 3, p. 144-159.
29. Kuznetsova, SI 2004, "Al-Qaeda" and its perspectives', *The social sciences and humanities. Domestic and foreign literature: refereed journal. Episode 9: Oriental and African Studies*, no. 4, p. 27.